

ГИБЕЛЬ АРТИСТА СТАСИКА

«Умному – намёк, глупому – дубина» – так говорят, имея в виду, что там, где умному достаточно намекнуть, глупому бывает необходимо стукнуть по башке, чтобы до него наконец дошло.

А может, тут вовсе не в глупости дело было, просто профессиональное любопытство подвело. Не знаю. Но только когда в Фёдоровке (что под Сургутом) проводили соревнования среди западносибирских лаек «по подсадному медведю», с одним из тележурналистов произошла трагикомическая история.

Впрочем, всё по порядку.

Много лет подряд в Ноябрьск приезжает цирк. Размещается он обычно за кинотеатром «Русь». В программе разные номера, в

том числе и с медведями, которые почему-то особенно нравятся ребятам и взрослым.

У дрессировщика было шесть особей в этом сезоне. Все покладистые, а один стал с возрастом проявлять свой нрав: перестал поддаваться дрессуре, срывал трюки, а впоследствии совсем вышел из повиновения. Решили его продать.

Звали непокорного артиста Стасик. Было ему три с половиной года.

Купил медведя председатель ноябрьского отделения собаководов Александр Лещенко. Ну а так как кинологов у нас в городе не очень много, чтобы позволить себе роскошь содержать медведя, вскоре передали зверя в Фёдоровку, которая в географическом смысле расположена более удачно. Туда на соревнования могут съезжаться собачатники со всего региона.

Три-четыре года медведь исправно исполнял свои обязанности. На момент, о котором пойдёт речь, это был уже матерый медведище семи с половиной лет от роду.

Очередные состязания по натаскиванию собак проводились по всем правилам и привлекли очень много участников, болельщиков, зрителей, окружное, местное и региональное телевидение.

Местонахождение зверя было тщательно зафлажковано, приняты всевозможные меры предосторожности. Хищник на крепком поводке четырёхметровой длины перемещался по натянутому тросу. Каждую очередную собаку выпускали далеко от тропы. Местность особым образом помечалась. Надеюсь, читатель догадался, как именно. Чтобы по запаху псина могла почуять присутствие хозяина леса. Обнаружив метки, обученный пёс выходит сначала на тропу, а затем добирается наконец до медведя и облаивает его, сообщая этим самым, что задание успешно выполнено.

Оператор сургутского телевидения снял уже не один эпизод счастливого обнаружения зверя очередной собакой. Очевидно, увлёкся, захотел запечатлеть какой-то особенно редкий кадр. Не учёл прогиб троса, силу медведя, да и его коварство.

Медведь-то – он как? Только что в камеру смотрела совершенно тебе благодущная, добрая морда, которую хотелось погладить и даже поцеловать... И вдруг – перед вами свирепый хищник!

Наверное, Стасику не очень нравилось в принципе что его травят собаками, а потом как ни в чём не бывало умильно заглядывают в душу.

Когда очередной раз оператор включил камеру, Стасик с молниеносной быстротой подскочил к незадачливому телевизионщику и в одно мгновение подмял его вместе с его несуразным агрегатом – импортной камерой.

Скупые строчки отчёта в местной печати сообщали: «На испытании четвёртой собаки оператор телевидения, нарушив правила техники безопасности, пересёк линию флажков и был смят медведем. Только своевременное вмешательство организаторов соревнований спасло жизнь работника телевидения».

Другими словами, медведя пристрелили, сняли шкуру и продали мясо на городском рынке. По семьдесят рублей за килограмм. Так бесславно закончилась жизнь отставного циркового артиста Стасика.

ВСТРЕЧА С ЧИНГИСХАНОМ

Раннее утро. По трассе Омск – Тобольск едет Максим на своей полутонной грузовой «Судзуки». Скорость приличная: урчит мотор, шумит ветер за приоткрытой форточкой, поёт душа... Встаёт солнышко над горизонтом.

Впереди через дорогу пастух перегоняет стадо коров. Надо притормозить, сбавить скорость. Бывает, что замешкается в природном кювете скотина рогатая, вынырнет вдруг неожиданно перед самым носом машины – сделать ничего не успеешь. Максим сбавляет скорость до минимальной.

Ну вот, слава Богу, всё стадо благополучно перебралось через магистраль.

Замыкает процессию пастух. Он живописно восседает на лошади. Горделивая

посадка, островерхая шляпа на голове, кнут через плечо – такой длинный, что конец по земле волочится. То ли казах, то ли татарин. Надменно смотрит в сторону машины и пересекает дорогу так близко, что Максим успеваешь подробнейшим образом разглядеть смуглое скуластое лицо местного аксакала.

– Ну давай, давай быстрее, Чингисхан хренов! – мысленно злится Максим, провожая взглядом монументальную скульптуру всадника.

Неохота ж на трассе время терять. Каждая минута – десяток километров пути. Потом её не наверстаешь. А тут машина почти остановилась.

Наконец нажал на газ, набирая скорость, и глянул в зеркало заднего вида. Как раз в тот момент, когда Максим придавил педаль газа, всадник свалился с лошади. В первую секунду шофёр не мог сообразить, какая зависимость между этими действиями?

Потом дошло: задними колесами своего «Судзуки» он наехал на конец длинного кнута и этим самым сдёрнул седока с коня.

Сначала хотел даже вернуться, помочь пострадавшему. Но пастух резво вскочил на свои короткие ножки и уже воинственно грозил кнутом вслед машине.

– Ну, ну, давай, Уланбатор, покричи – легче станет. Иди, садись на свою клячу и догоняй стадо! Это трасса, это тебе не на верблюде по пустыням кочевать!

КАК РАФИК УАЗИКОМ СДЕЛАЛСЯ

Мой друг Рафик, азербайджанец по национальности, был тем не менее очень способный к языкам. И поэтому, наверное, женился на англичанке. Брак, правда, оказался непродолжительным (сбежала учителька из-за пьянки мужа), так что приятель успел выучить только несколько фраз по-английски, несколько по-немецки, но самые крепкие произносил всё же на родном языке или по-русски.

Продлись супружеская жизнь годика два-три, стал бы переводчиком, а так – вкалывал подручным мастера на буровой.

Пошли мы однажды вечером пьянствовать к третьему своему знакомому. Отдыхаем так культурно: по первой зашли, по второй... Слышу, азербайджанец на английский переходит. А это верный признак, что надо заканчивать. Я домой засобирался, а мой друг-полиглот завалился в прихожей – и ни в какую! Хозяин кинул ему какой-то тулуп, чтоб к полу не примёрз, и мы решили оставить товарища до утра в покое.

– Только ты ж его утром вовремя разбуди. Рафику на вахту. Иначе работу потеряет. Там, на промысле, строго с дисциплиной.

Ни свет ни заря зазвонил будильник. Хозяин просыпается, с похмелья ничего сообразить не может. Вроде выходной, при чём здесь будильник? Вдруг вспомнил про «иностранца» в прихожей, схватился с постели – и к гостю. А как зовут, «забыл его спросить». Помнит только, какое-то автомобильное имя у приятеля.

– Уазик, Уазик, вставай, тебе на работу!

САПОГИ ВМЕСТО ШУБЫ

Едут пассажиры на «газели» по маршруту «Тара – Омск». Дорога длинная. Одни дремлют, другие читают, третьи разговаривают меж собою. Евдокия, здоровая такая средних лет женщина, знатная доярка, любительница «повыступать», оказалась без пары и молчит. Сердито ей, что не с кем словом перемолвиться. Так вот и сиди пять часов истуканом!

Однако ж остановилась «газель» где-то по пути, высаживается и к ней спутница. Разговорились. Первая едет шубу покупать, а вторая (пусть будет Варя) решила продать сапоги. Жмут они ей, хотя и новые. По дороге вертели их, мерили, нахваливали. Хорошие сапоги, недорогие, тёплые. Сама бы носила. Но у Вари нога ещё больше, чем у Дуни. Договорились, что если Евдокия шубу не найдёт, на которую долго денежки копила, то купит у Вари её прекрасные сапоги.

Условились даже, на каком месте встретятся на толчке.

Походила Дуня, потолкалась – нет подходящей шубы. То дорого, то не по размеру, то не по фасону. Собралась домой. Тем более что время подходило. Билет на обратную дорогу покупала заранее. Нашла свою знакомую. Та ещё сапоги не продала.

– Ладно, говорит, давай ещё ладом примерю и, наверно, возьму, раз шубы не попало.

Разулась, кошелек и старую обувь запихала в сумку и отдаёт Варю подержать, пока мерить будет. Сумка такая расхожая, китайская, дешёвая, в клеточку, а кошелек пухленький – так и лезет в глаза.

– Пойди, – говорит Варя, – в примерочную, посмотри перед зеркалом, как они тебе идут, как ловко на ноге сидят!

Только одна зашла в примерочную, а другая с сумкой да кошельком – дёру! Запали ей, видно, слова, что сумма в кошельке немалая.

Расстроилась Дуня, едет домой, не знает, что мужу сказать. Стыдно даже в глаза посмотреть. Шутка ли – три года откладывали! А муж, как назло, с порога:

– Ну что, купила шубу? – и лыбится ехидно-преехидно.

Эх, так и выцарапала бы эти зенки наглые!

Евдокия – в слёзы! И убежала в спальню, не разуваясь.

– А я так и знал, – кричит муж. – Ты ж деньги дома забыла!